И҆я Муромецъ сынъ Івановичь в шишаке і во всяко̑ бг҃атырско̑ убранстве. И не по̑налъ слуга Торопъ своегѡ г҃дна, Илью Муро̑мца и ѕби̑ с коня долой, о̑чего і пал на зе̑млю. А слуга же Торопъ напа̑ на ево белы груди, и вынимаетъ и̑ ноженъ свое чанжалище, и хоче̑ спороть у него груди белыя, а самъ говоритъ таково слово: Что ты, злодей Ту̑ман царь, убилъ моего г҃дря, Илью Муро̑мца, за то тебе скорая смерть (л. 87об.) будетъ жестокая. И что зговоритъ Илья Муромецъ: Слуга верны, Торопъ, я Илья Муромецъ, г҃днъ твой. Еще же выкати̑ся на груди крестъ золотой, і при̑зна̑ и благим мато̑ о̑скочи̑ о̑ негѡ, і по̑нялъ ево за белы руки, і пѡставилъ на ноги, и па̑ поклонися ему, і проси̑ прощения, что не в ведени уши̑ его. И то ему в вину Ілья Муромецъ не постави̑, а поставилъ в верность и прости̑, и целова̑сь во уста во са̑рныя, и садились на добры̑ коней, и порубили осталную всю силу босурманскую. И с той победы с великою славою во̑вратились в столны градъ Киевъ ко князю Владиме̑р (л. 88) к со̑нышку Всеславьевичю. І кня̑ Владимеръ Киевской встрети̑ ихъ с великою радостию і с почтениемъ великимъ и с церемониею великою, так чтѡ не можно вздумать о велико̑ их весели и радовани. что бг҃ъ да̑ победу на супостаты и одолени и оборони̑ о̑ ни̑ свт҃ую Русь о̑ тогѡ поганского нахо̑дения. И учини̑ по всемъ цр҃квамъ молебное пение и всенощное бдение всю се̑мицу. И пошелъ звонъ великой по всему граду Киеву і в политавры игрою и ѕбарабанны̑ боемъ и со всякою музыкою. І по той великой радости о̑далъ кня̑ Владимеръ Киевской со̑нышко Всеславьевичь до по̑цар҃ьствия своего (л. 88 об.). И тут И̑я Муромецъ сн҃ъ Ивановичь стал жить во всяко̑ благости и честности лета доволно и жаловал слугу своего великою честию, на̑ всеми лю̑ми бо̑шимъ баяриномъ. И привезъ и̑ Мурома о̑ца і матерь и самъ жени̑ся и слугу своего Торопа жени̑. И жили во всяко̑ благополучие в радости. . . и чести. . . до глубокой старости і тако... о̑идоша, и погребение бысть славное. І те же люди миновалися, и слава и̑ до скончания века. Конецъ.